

Зелюдин Не продавай душу – сделка убыточная

Сегодня Владимиру Михайловичу Зелдину исполняется 90 лет

Легендарный "пастух" нашего кинематографа, блистательный "учитель танцев" нашего театра, Владимир Зелдин все годы своей огромной актерской жизни олицетворяет особый стиль, редкую гармонию артистизма, не поддающуюся алгебре сухого анализа. Да и сама природа Зелдина — безусловный феномен, редкий случай, когда столь внушительный возраст не влечет за собой в оценках его труда ни скидок, ни послаблений. В свои юбилейные дни артист может представить теле- и театральным зрителям отнюдь не только ретроспективу собственного творчества. Он снимается в новых картинах, а на сцене родного Театра Российской Армии выходит Дон Кихотом, героем мюзикла "Человек из Ламанчи". Его и dalje уже стал событием нынешнего театрального сезона — роскошный выход патриарха сам по себе и урок мастерства, и знак непостижимых артистических возможностей, отпущенных свыше. К юбилею народного артиста СССР Владимира Зелдина в издательстве "АСТ-ПРЕСС КНИГА" выходит книга его воспоминаний "Моя профессия: Дон Кихот". Предлагаем отрывки из этой книги.

Товарищ кино, или Кое-что о динозаврах

Кино меня, конечно, прославило, но настоящим, опытным киноактером я себя не считаю. Я сыграл около 140 ролей за свою жизнь, и главные роли (по сути, по качеству) были сыграны в театре. Самое большое наслаждение от игры я получал в театре. Не в кино.

Ролей в кино у меня, кстати, не так много. И почти все они, как мне кажется, небольшие и неглавные. Хотя за все, что мной сыграно, я несу полную ответственность, мне ни за что не стыдно. "Одному кажется — черт попутал, другой уверен, что Бог послал", — говорил замечательный актер Борис Андреев. Я вот уверен, что все, мною сыгранное, да даже все, что со мною в жизни случилось, мне Бог послал. И на том спасибо.

Сам к себе я отношусь довольно строго. Всякий уважающий свое ремесло актер должен быть к себе строг. И должен не терять головы, что бы о нем ни писали. "Володя, смотри, чтобы голова не закружилась!" — Я хорошо помню эти слова Алексея Дмитриевича Попова, сказанные мне после "Учителя танцев" <...> Поэтому и я высоко ценю не все свои работы в кино. Две картины Ивана Александровича Пырьева — "Свинарка и пастух" и "Сказание о земле Сибирской" — для меня вне конкуренции. Эти фильмы меня "сделали". А лучшей своей ролью в кино я считаю профессора Серебрякова в фильме "Дядя Ваня"... Снял этот фильм — и снял, я считаю, блестяще! — режиссер Андрей Михалков-Кончаловский <...>

После 80 лет у меня в кино началась вторая молодость. Нет, третья. Вторая пришла после Серебрякова. Конечно, в старости актеру трудно рассчитывать на главные или большие роли. Тем более сегодня, когда десятки молодых людей, веселых, энергичных, симпатичных — с хорошим "аппетитом к личному успеху", как сказала бы Серафима Бирман, — осаждают эту "крепость". Сегодня время любит молодых. И проявляет иногда обидное равнодушие к старости. Однако я все равно стараюсь держать себя в профессиональной форме. Я слишком хорошо знаю, что молодость проходит быстро, а потом начинается жизнь. И очень важно именно молодость не растратить по пустякам, не пустить под откос. Тогда в следующей жизни, в профессии, что-нибудь да получится. Чем я сегодня могу покорить зрительный зал? Ведь не своей же лысой головой? Значит, будем покорять мастерством, энергетикой, тратой душевной.

Амбиций по поводу объема ролей я уже не испытываю. Во-первых, главных ролей в моей судьбе было много. А во-вторых, возраст позволяет на эту тему уже не комплексовать. В современном кино еще встречаются роли и "благородных отцов", и "дедов", которые мне вполне по зубам. Если в картине понадобится "сеньор из общества", мое появление тоже, надеюсь, всегда будет уместным. Иногда мне нравится сыграть в картине только сценку, один эпизодик, небольшой, но обязательно содержательный. С большим удовольствием, например, снимался я с Верочкой Васильевой в одном из сюжетов детского киножурнала "Ералаш". Соплясился, потому что сюжет оказался "моим" — о любви <...>

О, женщина!

<...> Однажды на заре своей театральной юности я пришел к А. Де Заступаться за какую-то актрису, несправедливо, на мой взгляд, обиженную. Заступался я, видимо, очень страстно, потому что А. Де внимательно меня выслушал, а потом, победив разгоревшееся, сказал: "У женщины есть одно преимущество — она женщина". С таким простым и ясным отношением к женщине я и прожил свою жизнь.

Обо мне говорили, что я рыцарь. Да, я чувствовал себя рыцарем. И хотел быть настоящим рыцарем. И хотел бы остаться им как можно дольше <...>

Я много любил на сцене. И меня много любили. Я считаю, что любовь — это самая главная тема в любом спектакле, в любом театре, вообще в искусстве. Это самое трудное "чувство" для актера, которое надо уметь сыграть <...>

Все мои любимые роли — Фердинанд в "Коварстве и любви", Теодоро в "Собаке на сене", Альдемаро в "Учителе танцев", барон Мюнхгаузен, поручик Ржевский, даже Токкий из "Идиота" — все были одухотворены любовью. Даже "старые" мои герои (господа, что называется, в возрасте) — Барни Кашмен в "Последнем пылко влюбленном", Фернандо Бальбоа в спектакле "Деревья умирают стоя", лорд Честерфилд в "Загнанной лошади", Мессершман в "Приглашении в замок", князь Пантлашвили из "Ханумы" и мой Дон Кихот, конечно, — тоже вдохновлены любовью. Что может быть прекраснее на этом свете? <...>

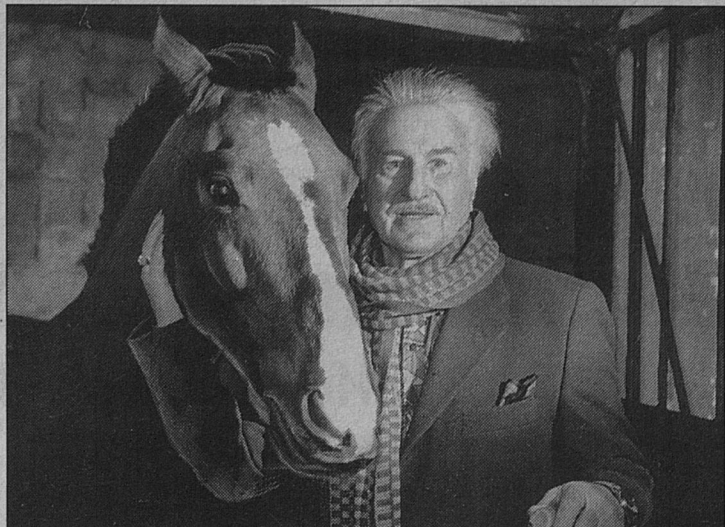
Я с нежностью сохраняю воспоминание о том, как почти 70 лет назад танцевал на молодежном вечере в Колонном зале Дома союзов с Валентиной Серовой, актрисой ТРАМА. Я держал в объятиях эту легкую, воздушную, потрясающую женщину, которая мне очень нравилась. А 60 лет

назад я признавался на экране в любви Марине Ладьиной, о которой вздыхало не одно поколение мужчин нашей страны. И эти воспоминания меня согревают. Моими партнершами на сцене перебивали самые симпатичные и самые талантливые актрисы Театра Армии. И каждую я любил, и в каждую внимательно всматривался, ища "причину" ее неповторимого обаяния <...>

Моей первой и непревзойденной Флорелой стала Татьяна Алексеева. Она окончила Театральную студию при нашем театре, ту самую, которую заканчивали и Андрей Попов, и Нина Сазонова. В 17 лет, еще студийка, Танечка была так очаровательна, что актеры театра специально бежали в студию на уроки движения — "смотреть на Алексееву". Это было абсолютное воплощение женственности — всего, что женщина олицетворяет собой для мужчины. Я часто вспоминаю Таню с грустью, созная свою вину перед ней. В середине 70-х годов ее из театра уволили, попросту "сократили". Уже не было "Учителя танцев" нашего — только молодежный, Флорелу играли молодые девочки. И как-то вдруг Таня выпала из репертуара, выходила на сцену мало. Но то, что ее из театра убрали, все равно было несправедливо. И это моя вина: если бы я проявил большую активность, настойчивость, я бы мог ее отвоювать. Слава богу, что она нашла себя в педагогике <...> Второй моей Флорелой стала Валентина Савельева. Впорхнула в спектакль юной студенткой из ГИТИСа: очаровательная, стройная, прекрасно двигающаяся <...> Потом мы составили, по-моему, неплохой любовный дуэт в

В фильме "Свинарка и пастух"

В сцене из спектакля "Загнанная лошадь"

"Учителя" с Нелли Подгорной. Прелестное это было существо! <...> "Учитель танцев" был некогда символом театра, имел огромный успех, и очень многим молодым актрисам хотелось попасть в атмосферу этого праздника. Играл я в "Учителе" и с легкой, задорной Валентиной Аслановой, и с темпераментной, ураганной Людмилой Касаткиной. А в спектакле "Океан", напротив, мой Часовников был влюблен в ее Анечку абсолютно безнадежно. Кажется, именно Люсе Касаткиной я больше всего в своей жизни наговорил со сцены слов любви <...> Несколько раз на сцене я был женат на очаровательной Ольге Дзюбко, и часто мы с ней темпераментно, по-итальянски, сорились. Но именно с ней у меня состоялось на сцене, пожалуй, самое необычное объяснение в любви <...> Я безнадежно любил Настасью Филипповну — Людмилу Чурсину. Мой Ринальдо был счастливо влюблен сразу в двух Анжелик, Ларису Юлбукину и Алёну Покровскую, и никогда не мог выбрать, какая из них лучше <...>

Не забыть мне и Люсю Фетисову, настоящую звезду Театра Армии, увы, так рано погасшую. Ее нельзя было назвать идеальной красавицей: вроде бы простое русское, даже большое лицо, и подбородок немного тяжел. Но какая фигура! (Она же и манекенщицей работала в московском Доме моделей.) На сцене всегда преобладала жальса, становилась ослепительно хороша, чувственна, была бешено темпераментна <...> Роль, игра переполняли ее. Ее настоящая жизнь проходила там, на сцене. А на улице она молла пройти мимо вас, и вы бы ее не заметили, не узнали. Это, кстати, тоже свойство настоящих, больших актрис <...> Бывают такие роли, про которые говорят: положи на суфлерскую будку и играй. Шурочка Азарова

в "Давным-давно" — из них. А ведь не у всех актрис получалось. Получилось у Люси, у Ларисы Юлбукиной и у первой исполнительницы этой роли Любови Добжанской. Попову всегда можно было сказать: "А Де, дайте попробовать!" Вняв просьбам Добжанской, он не пожалел об этом и признал, что она победила. Но и Добжанская, надо отдать ей должное, обладала фантастическим даром перевоплощения. Подтягивала себе носик, надевала парикок, ментик, ловко скрывавший ее фигуру, и представляла на сцене прелестным юным корнетом. Обаяние — и в жизни, и на сцене — у нее было море. Я уверен, что сцена прощания ее Шурочки Азаровой с домом войдет в историю не только нашего, но и всего русского театра. Звучала знаменитая "Копыбельная Светланы", Добжанская стояла, прижав к груди куклу, а потом медленно шла к авансцене. Скрипели половицы под ее сапожками, а за ней падал один занавес, другой, третий. И у зрителя комок к горлу подкатывал. Я счастлив, что был партнером этой великой русской актрисы <...>

Я абсолютно сроднился с Ниной Сазоновой и Верой Капустиной в спектакле "Ужасные родители" Ж.Кокто, который поставил для нас Борис Щадрин <...> Спектакль родился, как долгожданный ребенок, в большой любви и нежности. Хотя начинался трагикомично. На одном из первых прогонов Нина Афанасьевна, представьте себе наш ужас, вдруг абсолютно забыла текст роли. Главной роли в спектакле! Сбилась где-то вначале и никак не могла войти в ритм. Мы сначала пытались ей что-то подсказывать, потом, поняв, что это безнадежно, "разобрали" ее реплики между собой. Но каков же был талант этой актрисы, если ни один человек в зале этого не заметил. Она "плыла" по спектаклю и подавала нам свои междометия вместо реплик идеально, как всегда. Тоже ведь была великая актриса Театра Армии, великая русская актриса <...>

В сцене из спектакля "Учитель танцев"

Двадцать лет назад, поздравляя меня с юбилеем, Людмила Касаткина (как всегда темпераментно, иначе она не умеет) вдруг по-военному скандовала: "Женщины, ирравшие с Владимиром Михайловичем Зелдиным на сцене, встать!" И к моему великому изумлению, встала почти вся труппа. По крайней мере, лучшая ее половина. А уж когда целая вереница совсем молодых дам нашего театра, во главе с Алёной Покровской, стала мне романс моего Альдемаро, я был растроган.

Каждой из этих женщин, каждой из моих партнерш, отдавших мне на сцене частицу себя и вдохновлявших меня "на подвиги", я благодарен. Помню всех.

Что значит старость?!

Старость — это то, что ты хочешь ею считать.

Старость — это когда многие кажутся просто. Не потому, что старики "склонны все упускать": все разнообразие жизни им хочется свести к элементарным вещам. "Просто" — потому, что в жизни действительно очень многое просто. И ясно. Надо только однажды взять — и отделить себя от суеты.

Старость — это когда живешь медленно. Хотя чувствуешь, что года летят быстро. Но движешься медленно не потому, что от быстрого шага сердце начинает колотиться как птица, а потому, что каждую минуту, каждый день ценишь выше. Стараешься все запомнить.

Старость — это когда дети, родившиеся у тебя на глазах, сами становятся родителями. Когда замечаешь морщинки — не у своего отражения в зеркале, а у женщин, которых любил, у друзей, с которыми "бегал стометровку", у тех детей, которые, каза-

лось, только вчера сами стали родителями.

Старость — это когда начинает казаться, что люди в мире умирают чаще. Это значит, что у тебя появилось собственное кладбище. И дорогих тебе могил там все больше. И все больше мучат тебя не-встречи <...>

Старость — это когда вдруг понимаешь, как далеко вперед ты удрал. Ты рассказываешь о том, что было вчера, а тебе в ответ — недоумение: "Вы все про каких-то допотопных". Не верят, глупенькие, что это было, что это потрясло.

Старость — это когда уже ничего не боишься. И ничто не способно тебя испугать. Когда можешь все сказать и все стерпеть. Сделать себе такой "подарок", доставить себе такое удовольствие.

Старость — это когда живешь, как только тебе удобно. И общаешься с теми, кто тебе приятен. И этот "подарок" ты уже тоже можешь себе позволить.

Старость — это когда мало соблазнов. Не потому, что "сил нет" или "желаний мало", а потому, что стоящих желаний и ослепительных соблазнов в мире на самом деле немного. Лучше сосредоточиться на чем-то одном-единственном.

Старость — это когда становишься добрее.

Я по-прежнему работаю сидя на кухне. Хотя всю жизнь мечтал о кабинете, просторном, уставленном книжными полками, с диваном и большим письменным столом, с картинами и фотографиями на стенах, как было у А. Де <...> Я по-прежнему живу в своей маленькой двадцативосьмиметровой квартирке. Потому что не к тому, чтобы жить "шире" и "выше", имел я в своей жизни стремление. Любленый в профессии актер ведь играет не думая о славе, а потому, что не играть не может. Хотя я не был таким уж альтруистом. Но мне и в голову не приходило что-то попросить или взять для себя. Я так часто просил и брал — для других. А для себя было стыдно: что скажут люди? Ведь рядом жили те, у кого не было и того, что имел я <...> Недавно я мог поменять свою квартиру на большую, трехкомнатную, на своем этаже. Уже не хочу. Здесь бывали такие люди, мои стены хранят такие воспоминания...

Почувствовать себя Березовским на старости лет? Не дай бог. Как прошла жизнь, так и прошла. Не вздумайте в старости жалеть о несбывшемся! Как говорит мой "человек из Ламанчи": "не важно, будешь ли ты победителем или побежденным, каждый должен исполнять свой обет". Пусть отсутствие кабинета и книжного стола останется самой большой неосуществленной мечтой Владимира Зелдина. Но другое-то осуществилось. Я выхожу на сцену. Я все еще выхожу. Я все еще хочу выходить. И зритель очень доброжелательно и хорошо меня принимает. Для меня это — самое дорогое.

Старость — это, на самом деле, счастье. Время, когда ты способен остро осознать, что же это такое, счастье <...>

Старость — это когда возвращаются идеалы. Когда ясно понимаешь, что есть в жизни нечто незыблемое. Как, впрочем, и совершенно типическое, и невероятно банальное. Хотя, если говоришь об этом вслух, кажешься окружающим большим занудой.

Старость — это когда точно знаешь, что ты гость на этой земле и рано или поздно уйдешь. Налегке, ничего не взяв с собой в дорогу. Знаешь и не боишься. Чтобы понять это, надо остановиться и перестать бежать. А перестать бежать — кажется молодым — значит, признать себя старым. Замкнутый круг.

Старость — это то, чего не надо бояться <...>

Федя Чеханков, мой старый приятель, все время надо мной подтрунивает. И все мои гневливые реплики в адрес "нового" театра, парирует:

— Вы, Владимир Михайлович, неисправимый консерватор! Вам, конечно, надо, чтобы все по старинке в театре было, да? Чтоб обязательно занавес открывался и чтобы в зал не спало, извините за выражение, святым запахом кулис? Хотя, на самом деле, это просто пахнет пылью, потому что у нас на сцене давно не метено. Вам надо, чтобы вы выходили на середину сцены с каким-нибудь великолепным монологом минут эдак...

— Нет, не так, — возражаю я. Да, я, наверное, консерватор. Ужасный. Поэтому занавес в "моем" театре должен открываться. Непременно! И в полной темноте. Как было в моем детстве. Когда от одного его загадочного шороха, от легкого дуновения воздуха — со сцены в зал — рождалось сладкое предчувствие чуда. И сжималось сердце. И слезами наполнялся плаза.

Длинного монолога мне уже не нужно. Достаточно одной сцены. Во втором акте, может быть. Я лежу на диване, произношу всего 2 — 3 реплики, и в зале — взрыв хохота. Это обязательно. А потом аплодисменты. И снова занавес.

— А танец, Владимир Михайлович?! Неужели танца не будет? Чуть-чуть, подтанцовочка? — подуживает меня и хохочет Федька.

— Ну разве чуть-чуть. Подтанцовочка бы, конечно, не помешала.

Можно, видимо, пойти в этой жизни по пути доктора Фауста и связаться с Мефистофелем "по бартеру" — вы ему душу, а он вам молодость на второй срок. Но пройдет и второй срок, и третий, и окажется, что душу-то вы продали, а она-то бессмертна... Сделка явно убыточная.

Сколько нам отведено на этой земле, столько и проживем. Если живем пока, значит, мы нужнее здесь, а не там. Конечно, процесс, как известно, пошел. И даже последний акт этого "спектакля" известен. Но пусть он будет без кислородных подушек. Например, сразу после бурных аплодисментов.

Литературная запись
Наталии КАЗЬМИНОЙ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ
и из архива редакции

Кубышка. — 2005. — 10-16 февр. — с. 14